

Март, 1986, 5 марта
За дамба-дам

Перечитывая
роман
Галины
Николаевой

КАК-ТО на одном из заводов, с которым связывает меня многолетняя дружба, в деловом, горячем разговоре назвали директора за глаза «наш Вальган». Заводской язык подчас бывает и остроумен, и остер, тут и прозвищем наградят метким, и черточку подметят глубочайше скрытую, и ко времени averнут намек самый колкий. Но «Вальган», да еще «наш»... Такое возникновение в потоке сегодняшней жизни романа Галины Николаевой «Битва в пути» было для меня несколько неожиданным. Тем более что произведение это, да и само имя писательницы в нашем литературном обиходе, насыщенном многими событиями минувших десятилетий, поросли как бы рясой энциклопедического прошлого и упоминались редко. Разве что к случаю, в связи с темой «рабочего класса», что само по себе на данном этапе особой популярности не сулило.

«Битва в пути» вышла в момент переломной политической ситуации в стране. В горячем созвучии с актуальностью виделся ее успех. В том символическом тракторе, который ставили на поток вместо танков военного времени, и в людях, сменявших военные гимнастерки на рабочие спецовки, и в непримиримом противоречии столкновения Вальгана и Бахирева, в необходимости сменить волю жестокого военного приказа на доверие к творческим силам народа, весь сложный строй вступавшей в свои права новой мирной жизни, вся правда ее забот — во всем этом была заложена популярность книги Галины Николаевой. Для читателей тех лет страницы романа звучали близким голосом писателя-современника, вместе с ними горячо размышлявшего о проблемах дня, а это особое чувство. Оно иной раз полно заблуждений, но имеет право на восприятие, подказанное живыми обстоятельствами действительности.

Потом потекли годы, складываясь в десятилетия. Сменялось время, сменялись поколения. И для «Битвы в пути» настала полоса, когда книга, вроде бы «отработав» свое, пройдя сквозь серебряные трубы бестселлера и этим как бы исчерпав свою миссию, была положена на общую полку рядом с иными произведениями уходящей поры. Угас пламень актуальности, интересы дня переместились, и этим, казалось мне, судьба «Битвы в пути» вполне определена. Но вдруг оказывается, что читатель-то существует. Он не выпустил книгу из рук. Более того, черпает из нее нравственный урок, вполне созвучный самым насущным современным проблемам.

КОНЕЧНО ЖЕ, в духовной жизни общества ничто не обладает такой фундаментальной и длительной силой действия, как литература. Ее человеческая актуальность непреходяща, но я веду речь о вещах более простых. Ведь «наш Вальган» возник не в литературном разговоре, а в контексте реальных заводских обстоятельств, в действительности насущной. В чем тут дело? Конечно же (пыталась я себе объяснить), существует некая память успеха, обаяние славы «эпального произведения», внедренное в наше восприятие критикой тех дней; существуют инерция читательской любви да и, скажем так, склонность к традиционному мышлению. Но это ли одно?

Думаю, есть еще причина. Думаю, что за минувшие десятилетия на столбовом пути развития советской литературы очень редко возникали большие заводы, крупные промышленно-городские объединения людей. А пристальный открывающий смысл существования человека писательский глаз, отточенный той особой вещей болью, которая рождена любовью и стремлением к добру своего народа, участием в духовном формировании общества — этот порывливый писательский глаз обращен не в сторону рабочей, производственной среды. Быть может, это следует объяснить личным опытом ныне действующих писательских поколений: великий народный подвиг войны, с которым, слилась молодость крупнейших художников нашего времени, стал для них неисчерпаемой темой, судьба же целой следующей плеяды выдающихся писателей современности сложилась так, что все они были выходцами из деревни, глубоко чувствовали социальный процесс урбанизации общества и воспринимали его как явление, ведущее к духовному оскудению и безликому потребительству, и достигали ностальгических вершин в поисках нравственной опоры само-

Битва
продолжается...

сознания народа. Это были два главных направления в литературе, определявших лицо литературы в жизни страны. Но та ее действительность, где стремительно росло и развивалось вибрирующее население, неумолимо строились новые предприятия, возникали новые города, где преобразовывалось само понятие «рабочий класс», сближаясь с понятием «народ» как его большинство, — словом, действительность, насыщенная самыми определяющими для нравственными процессами и в социальном, политическом смысле решающая в нашем обществе, очень редко находила себе адекватный отклик в литературе, способный захватить умы, влиять на общественное сознание своей художественной силой. Быть может, книги «о рабочем классе», оставшиеся нераскупленными на прилавках книжных магазинов, вводили нас частенько в заблуждение, что тема эта неинтересна читателю. Но вот же он, оказывается, читает и перечитывает «Битву в пути». Значит, существует еще и читательский голод. Огромный голод и нужда в писателе-собеседнике не только о жизни вообще, что естественно, но еще и в самом узком смысле о том ее пласте, с которым связаны судьбы миллионов людей, или, проще сказать, подавляющего городского большинства нашего общества.

Значит, в «Битве в пути» было созвучное, сегодняшнее, по-прежнему волнующее. И вот роман «Битва в пути» опять у меня в руках — ветеран библиотечной полки со скругленными, обветшавшими уголками картонной обложки.

ПОСЛЕДНИЙ роман из серии «индустриальных». И тут я позволю себе маленькое отступление. Лет этак десять с лишком тому назад московские писатели, обсуждая вопрос продолжения горьковских традиций в литературе, выдвинули идею постоянного содружества со старейшими заводами столицы. Участники заседания намечали перспективы будущих книг, говорили о свежей струе жизни, но вдруг выступил В. П. Катаев и сказал, что когда он, откликнувшись на горьковский призыв, написал «Время, вперед!», это было выражением той переломной эпохи заложения основ советской индустрии, когда все внимание народа сосредоточено было на преодолении отсталого аграрного прошлого, на борьбе за идею будущего мощного и независимого, передового и непобедимого рабочего государства. И тогда было ясно, за что помогает бороться народу писательское перо. И, когда Галина Николаева писала «Битву в пути», тоже был переломный момент в истории социалистической промышленности: требовался героизм, чтобы в условиях послевоенной разрухи совершить перестройку промышленности. Тоже был ясен гражданский посыл писателя,

обратившегося к рабочей теме. Ну, а теперь? — спросил Валентин Петрович. О чем теперь вы станете писать? Промышленность создана, мы первыми полетели в космос, что еще? Идут обыкновенные будни, нормальная трудовая жизнь, где же в ней тот порыв, та идея, ради которой в борьбу вступает литература? Нет, вы рискуете скатиться к обыкновенной галочке в плане, которая литературе ничего не дает.

Меня тогда глубоко расстроили предостережения Катаева. Я подумала, что в них отражена истина: если ищешь в сегодняшнем пусть даже великие черты вчерашнего, никогда не откроешь его настоящей сути. Стремление не объяснять, а прежде всего понять происходящее, стремление подставить плечо народу в совместных живых заботах реального времени — вот что было нестарейшим, хотя на первый взгляд будто бы актуально-преходящим в романе «Битва в пути». Ее герои, ее люди были художественным открытием Галины Николаевой на новом этапе жизни страны.

О Бахиреве и Вальгане написано достаточно много, здесь мне хочется лишь обратиться с позиций минувших лет к тому, в чем Галина Николаева выступала как новаторский мыслящий писатель, и припомнить, что ее художественные открытия оказали влияние на дальнейшее развитие советской литературы, отразились в последующих тенденциях поисков образа положительного героя современности. Поднимая в романе животрепещущую проблему личности руководителя, Галина Николаева трактовала ее в широком политическом и философском контексте связи — личности и общества. В начальные годы индустриализации страны, когда делались волевые попытки сформировать некие теоретические каноны социализма, диктовавшие идейно-классовый подход к человеку современности, личность воспринималась как выражение индивидуального начала, которое следует подчинить общественному; самосознание — классовому сознанию. Галина Николаева выводила Бахирева как личность сложную, неоднозначную, способную в борьбе с собой на компромиссы, но живую, правдивую — подчеркивая этим значительность индивидуальности как реальной силы общественного прогресса. И в этом смысле Вальган, не умеющий перестроиться с военного лада, где действовала необходимость волевых решений, на лад мирного времени, где вступали в права жизни иные закономерности общественных отношений, был выведен писателем с большой политической остротой.

ДУМАЮ, что политическая чуткость и крупное, масштабное мышление о самых существенных проблемах жизни советского общества сформировали гражданскую позицию Галины Николаевой и определили судьбу романа «Битва в пути» как произведения кардинального. Листая вновь страницу за страницей, я убедилась, как непреходяще значителен философский смысл конфликта между Бахиревым и Вальганом и в каком множестве раз возникал он в произведениях о рабочем классе всей последующей поры, во скольких ипостасях и воплощениях, трактовках да и просто повторениях. Иной раз мы просто не даем себе труда проследить родословную появившихся время от времени на страницах произведений о современной промышленности образов руководителей определенного типа, вроде Чешкова, или Прончатова, или Ремеза. — Впрочем, суть не в героях, а в направлении мысли, которой импульс дала Галина Николаева, создав своих Бахирева и Вальгана из жизненного материала, не тускнеющего до сих пор. Читая роман сегодняшними глазами, чувствуя созвучие его мотивов с нынешним временем перестройки, встающих перед народом и страной общественных задач и новой битвой в пути к прогрессу, я думала с огорчением о нашем бытующем заблуждении, с которым мы беззаботно исключаем из своего поля зрения те редкие большие книги, на которых лежит привычное клеймо «о рабочем классе», когда говорим о поисках нравственно-философских формирующих духовность общества вершин в литературе.

Существует даже убеждение, что читатель не берет в руки книг о производ-

стве, ибо исчерпана возможность темы рабочего класса как острого, социально насыщенного художественного материала. Потому и книги «про завод» скучны, что современная битва нравственных идей происходит не там, не туда обращена стрелка Литературы как барометра времени, чутко указывающего погоду общества. Там — скучный язг станков, навязшее в зубах повторение общезвестных прописей, «литературный поток», от которого шарахается элегантный деревенский критик. Литература проникает в глубь народной души не там. Сейчас звук нравственного камертона образуется на стыке деревни — город, город — деревня. Согласна. Тем более, если вглядеться в символическую, так сказать, кань «Битвы в пути», то именно трактор — не металл, скажем, не уголек, не нефть, а сельскохозяйственная машина выходит из рук рабочего класса. И это именно рабочий класс возвращает земле то, что в силу исторического процесса индустриализации страны было у нее отобрано техническим прогрессом, отобрано и оплачено громадной социальной ценой отрыва крестьянских рук от вековой заботы, превращения пахаря в городского, рабочего человека. Теперь, в наши дни, в кардинальной психологической перестройке деревни, в бесповоротном и полном промышленным оснащении ее техникой, то есть трудом рабочего класса, город берет на себя решающие функции и крестьянского труда. Надо вникнуть в суть того, что происходит с нами. В такие поворотные моменты, когда накопленное подспудно начинает преобразовываться в соответствующие формы, писателю доверяется народом надежда на его горячий голос, любящее око и ответственность перед бессмертием литературного свидетельства.

ОБРАЩАЯСЬ к книгам, написанным талантливым пером именно в такие переломные моменты, начинаешь особенно остро чувствовать, что литературе, как известно, нельзя помочь составлением общих рецептов. Она рождается только из того, что некий человек берет чистый лист бумаги и пишет на нем. Пишет свое. И от этого изначально никому да не уйти. В истории нашей литературы случались времена, когда мы желаемое выдавали за сущее, но это нисколько не изменяло истинного литературного процесса.

И все же почему страницы «Битвы в пути» навели на мысль о читательском голоде и хотелось книг, согретых жаром участия в жизни страны? Быть может, мы иногда, уповав на количественность произведений «о рабочем классе», что-то уравниваем, о чем-то забываем, от чего-то отмахиваемся. Быть может. Успокаиваемся на продолжении... фразы, но не мысли. Как ни странно, но именно здесь и проходит тот водораздел, за порогом которого течение несет нас само вдали от необходимости собственного, творческого, интенсивного писательского размышления над явлениями действительности. И вот мы, на мой взгляд, ощущаем сейчас дефицит творческой мысли, проникающей, как бур, в недра общественной жизни, как проникает она порой в недра души человека.

Думаю, что сегодня роман о рабочем классе — это прежде всего иной уровень мышления о реальностях нашей действительности, понимания ее политической и социальной сути. Скажете: ну, без этого писателя не бывает. Добавлю: такого, как Галина Николаева. Убеждена, что именно там, где сияют стеклянными переплетами грандиозные новые цеха, где в кабинете ломает голову «наш Вальган», где из-под земли повсрастали бесконечные кварталы многоэтажек, — этакже, происходит главная битва за человека нашего времени.

...Ну, а что же предостережение Валентина Петровича Катаева? Оно, конечно же, сбилось в определенной мере. Потому что в литературе все решает только дарование художника. Только оно одно подсказывает перу страницы, над которыми вдруг сожмется сердце, прольется слеза, мелькнет улыбка, вырвется вздох. И родится мысль... которая останется надолго. Как говорят: западет в душу. Других средств у писателя нет. Тот, кто ими владеет, открывает нам за далью даль — и в прошлое, и в будущее.

Имя Галины Николаевой принадлежало к славному плеяде женщин-писательниц, живших и работавших в одно с нею время, что само по себе невольно наводит на мысль вот какую. Что же это за феномен такой был, что за время, открывавшее дорогу женщинам-личностям, крупным романистам, мыслящим масштабно, идейно и политически мощно: Вера Кетлинская, Вера Панова, Ванда Василевская, Анна Каравая, Мариэтта Шагинян?.. Найдется ли сегодня столько женских имен, чтобы их можно было соединить в подобную плеяду? Не знаю.

Почему же тогда историю литературы обогатили эти женские имена?

Делать выводы боюсь, но думаю, что это тоже имеет социальные причины. Появление плеяды даровитых женщин, крупных мыслителей — это тоже отражение высокой духовности общества, идейной напряженности его жизни и творческого накала времени. Можно было бы тут воспользоваться шуткой: если, мол, даже женщины становятся романистами... но доля правды в этом все же есть. А именно: в идейности мышления, в гражданском горении писательского подхода к действительности, присущего им. Знаю только одно: роман требует особенного, романного мышления писателя. Он рождается тогда, когда писатель охватывает взглядом, как единое целое, всю окружающую жизнь, видит в ней ясно закономерности назревающего и уходящего, главного и случайного; роман требует от писателя гражданской личности, политического темперамента, четких идеологических убеждений. Только это влечет его в глубину жизни, заставляет дышать миром, отдавать себя тому, что вершится вокруг, знать, понимать, гореть интересами народа. Только такая личность писателя рождает роман. Иногда говорят: есть время крупное, есть время равнинное... Думаю, что еще есть время, рожающее крупные личности писателей, Галина Николаева принадлежала такому времени. Была его выражением. И остается крупным его наследием.

Галине Николаевой исполнилось бы сейчас 75 лет. Но жизнь писателя не измеряется ни годами, ни событиями, ни молодостью, ни старостью, она измеряется только его книгами. «Битва в пути» внесла имя Галины Николаевой в историю советской литературы.

Елена КАПЛИНСКАЯ
Фото Д. БАЛТЕРМАНЦА